

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М79

Caitlin Moran
HOW TO BUILD A GIRL
Copyright © 2014, Caitlin Moran

Перевод с английского *Татьяны Покидаевой*

Художественное оформление *Александры Харитоновой*

Моран, Кейтлин.

М79   Статья Джоанной Морриган / Кейтлин Моран ; [пер. с англ. Т. Покидаевой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103855-7

Кто такая Джоанна Морриган из Вулверхэмптона? Точнее, кем Джоанна Морриган, толстая девчонка из многодетной семьи на социальном пособии, должна стать? Быть может, если погуше накрасить глаза черной подводкой, врубить в наушниках отвязный рок-н-ролльный хит, начать заниматься сексом и припудрить себя показным цинизмом, то удастся сойти за кого-то другого, кого-то заметного — например, за скандального музыкального критика и секс-авантюристку по имени Долли Уайльд. Прикидываться ею до тех пор, пока сама не поверишь в свою ложь. А поверив, вдруг обнаружить, что между Долли и Джоанной пропасть. Как сбросить змеиную кожу сомнений и страхов и из мятущегося подростка стать наконец своей собственной, лучшей версией Джоанны Морриган?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

- © Покидаева Т., перевод на русский язык, 2019
- © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103855-7

*Моим родителям, которые, к счастью,
совсем не такие, как родители в этой книге,
и никогда не мешали мне быть той девчонкой,
какой мне хотелось.*

От автора

Это вымышленная история. По ходу повествования периодически появляются реальные, всамделишные музыканты и реальные, всамделишные места, но все остальное: персонажи, их действия и разговоры — это плоды моего воспаленного воображения. Как и Джоанна, я выросла в большой семье, в бедном муниципальном квартале Вулверхэмптона, и начала карьеру музыкального обозревателя и журналиста еще подростком. Но Джоанна — это не я. Ее семья, сослуживцы, знакомые и приключения — не моя семья, не мои сослуживцы, не мои знакомые и не мои приключения. Это литературное произведение, а не описание реальных событий. Повторю еще раз: это вымышленная история.

Часть первая

ЧИСТЫЙ ЛИСТ

1

Я лежу на кровати, рядом со мной — мой брат Люпен. Люпену шесть лет. Люпен спит.

Мне четырнадцать. Я не сплю. Я мастурбирую.

Смотрю на брата и думаю, возвышенно и благородно: «Он бы порадовался за меня. Он бы порадовался, что мне хорошо».

Все-таки он меня любит. Он бы не захотел, чтобы я пребывала в стрессе. И я тоже его люблю — хотя лучше не думать о брате, когда мастурбируешь. Это как-то неправильно. Я пытаюсь расслабиться и получить удовольствие. Нельзя тащить родных братьев в свои внутренние сексуальные уголья. Да, сегодня мы делим постель — в полночь он слез со своей койки и, заливаясь слезами, улегся со мной, — но я не могу разделить с ним мои эротические пространства. Надо гнать его прочь из мыслей.

— В этом деле я справлюсь сама, без тебя, — говорю я ему строгим голосом у себя в голове и кладу между нами подушку — из соображений конфиденциальности. Это наша маленькая и уютная Берлинская стена. С одной стороны — половозрелые подростки, сознающие свою сексуальность (Западная Германия), с другой — шестилетние мальчишки (Коммунистическая Европа). Границу нельзя нарушать. И это правильно.

Неудивительно, что мне надо снять стресс перед сном — вечер выдался напряженным. Папа снова не стал знаменитым.

Он где-то шлялся два дня и вернулся сегодня, сразу после обеда, в обнимку с каким-то взъерошенным молодым человеком, с явным запущенным фурункулезом, в засаленном сером костюме и розовом галстуке.

— Этот *хрен*, — ласково проговорил папа, — наше будущее. Поздоровайтесь с нашим будущим, дети.

Мы все вежливо поздоровались с этим хреном, нашим будущим.

В прихожей папа нам разъяснил, в облаке густых испарений «Гиннеса», что это не просто так молодой человек, а искатель талантов со студии звукозаписи в Лондоне, и зовут его вроде бы Рок Перри.

— Хотя, может, еще и Иен.

Мы обернулись к этому человеку, сидевшему на сломанном розовом диване у нас в гостиной. Рок Перри был очень пьян. Он сидел, обхватив голову руками, а его галстук напоминал удавку, которую враги затянули у него на шее. Он был совсем не похож на будущее. Вылитый 1984-й. В 1990 году это уже представлялось глубокой древностью — даже в Вулверхэмптоне.

— Если мы разыграем все правильно, то станем, на хрен, *миллионерами*, — сказал папа громким шепотом.

Мы побежали в сад, чтобы отпраздновать это событие, — мы с Люпенем. Мы уселись вдвоем на качели и принялись планировать наше будущее.

Однако мама и старший брат Крисси хранили молчание. Они уже видели не одно будущее в нашей гостиной. Видели, как оно приходило — и уходило. Будущее является под разными именами, в разной одежде, но все равно раз за разом происходит одно и то же: будущее всегда приходит в наш дом только в изрядном подпитии. И если не дать ему протрезветь, тогда, может быть, нам удастся его обхитрить, и оно заберет нас с собой, когда отправится восвояси. Мы зацепимся за его мех, как репей — все всемером, — и оно унесет нас из этого крошечного домишки обратно в Лондон, к славе, богатству и нескончаемым вечеринкам, где нам самое место.

До сих пор этого не случилось. Будущее всегда уходило без нас. Мы застряли здесь накрепко, в бедном муниципальном квартале в Вулверхэмптоне, и ждем уже тринадцать лет. Нас уже семеро. Пятеро детей — неожиданным близнецам всего три недели от роду — и двое взрослых. Давно пора выбираться отсюда. И чем скорее, тем лучше. Сколько можно быть бедными и никому не известными?! Девяностые годы — не лучшее время для бедности и неизвестности.

Мы возвращаемся в дом, где уже чувствуется напряжение. Мама раздраженно шипит:

— Джоанна, давай марш на кухню, разогрей болоньезе. И сыпани там горошка. У нас гости!

Я приношу Року Перри большую порцию спагетти — вручаю ему тарелку с легким реверансом, — и он набрасывается на угощение со всем неистовым пылом пьяного человека, которому отчаянно хочется протрезветь при содействии лишь мелкого зеленого горошка.

Теперь, когда Рок пригвожден к дивану тарелкой с горячими макаронами у него на коленях, папа стоит перед ним, пошатываясь, и толкает свою презентационную речь. Эту речь мы давно выучили наизусть.

— Ты не *говоришь* эту речь, — неоднократно разъяснял нам папа. — Ты *живешь* этой речью. Ты *сам* эта речь. Ты даешь им понять, что ты тоже из *них*.

Нависая над гостем, папа держит в руке кассету.

— Сынок, — говорит он. — Дружище. Позволь мне представиться. Я человек... с неплохим вкусом. Да, небогатый. *Пока* небогатый — хе-хе. И я собрал вас сегодня, чтобы сказать вам всю правду. Потому что есть три человека, без которых нас бы сегодня здесь не было. — Распухшими от бухла пальцами он пытается достать кассету из пластиковой коробки. — Святая троица. Альфа, ипсилон и омега всякого правильно мыслящего человека. Отец, Сын и Святой Дух. Единственные трое, кого я любил и люблю. Три Бобби: Бобби Дилан. Бобби Марли. И Бобби Леннон.

Рок Перри в замешательстве смотрит на него, такой же растерянный, какими были мы сами, когда впервые услышали это от папы.

— Чего добивается каждый музыкант на этой земле? — продолжает папа. — Выйти на уровень, когда можно запросто подойти в баре к этим ребятам и сказать: «Я тебя знаю, дружище. Я тебя знаю давно. А ты меня знаешь?» Ты подходишь к ним и говоришь: «Ты солдат-буффало, Бобби. Ты человек-тамбурин, Бобби. Ты, ептыть, морж, Бобби. Я знаю, да. Но я... Я Пэт Морриган. Я *вот кто* я».

Папа все-таки вынимает кассету из пластиковой коробки и машет ею перед носом у Рока Перри.

— Знаешь, что это, дружище?

— Кассета на девяносто минут? — отвечает Рок.

— Сынок, это последние пятнадцать лет моей жизни, — говорит папа, вручая ему кассету. — Так сразу не чувствуется, скажи! Ты небось никогда и не думал, что можно взять в руки целую человеческую жизнь. Но вот она, ептыть, прямо у тебя в руках. Ты, наверное, чувствуешь себя великаном, сынок. Ты же чувствуешь себя великаном?

Рок Перри тупо таращится на кассету в своей руке. Если он что-то и чувствует, то только растерянность.

— И знаешь, что сделает тебя *королем*? Вот выпустишь запись, продашь тиражом в десять миллионов копий на компакт-дисках, и сразу все будет, — говорит папа. — Это, ептыть, алхимия. Мы с тобой превратим наши жизни в три, на хрен, яхты на каждого, и «Ламборгини», и от девок отбоя не будет, успевай только отмахиваться. Музыка — та же магия, старик. Музыка меняет жизнь. Но сначала... Джоанна, принеси джентльмену выпить.

Последняя фраза была адресована мне.

Я переспрашиваю:

— Выпить?

Он раздраженно машет руками.

— На кухне. Выпивка у нас на кухне, Джоанна.

Я мчусь на кухню. Мама устало стоит у окна с младенцем на руках.

— Я иду спать, — говорит она.

— Но папа сейчас заключает контракт на запись диска!

Мама издает звук, которым позднее прославится Мардж Симпсон.

— Он попросил принести выпить Року Перри. — Я передаю сообщение со всей срочностью, которой, как мне представляется, оно заслуживает. — Но ведь у нас ничего нет? В смысле выпить?

Бесконечно усталым жестом мама указывает на разделочный стол, где стоят два пинтовых стакана с «Гиннесом», оба полные наполовину.

— Он их стырил из паба. Принес в карманах, — говорит она. — И этот кий тоже.

Она указывает пальцем на бильярдный кий, украденный из «Красного льва». Он стоит прислоненный к плите. В нашей кухне он смотрится так же нелепо и неуместно, как смотрелся бы живой пингвин.

— Принес его в штанах. Я не знаю, как ему это удастся. — Мама вздыхает. — У нас уже есть один, с прошлого раза.

Это правда. У нас уже есть один кий, украденный папой из паба. Поскольку бильярдного стола у нас нет — даже папа не сможет его спереть, — Люпен использует первый украденный кий вместо посоха Гэндальфа, когда играет во «Властелина конец».

Содержательный разговор о бильярдных киях прерван внезапным ударом звука, донесшимся из гостиной. Песню я узнаю моментально. Это последняя папина демозапись. Очередная переработка «Бомбардировки». Как я понимаю, прослушивание началось.

До недавнего времени «Бомбардировка» представляла собой медленную рок-балладу, но потом папа открыл для себя кнопку «регги» на электрическом синтезаторе («Ебитская сила! Кнопка Бобби Марли! Да! Даешь регги!») и переделал ее соответственно.

Это одна из папиных «политических» песен, и на самом деле она очень трогательная: первые три куплета написа-

ны от имени атомной бомбы, которую сбросили на мирных граждан, преимущественно женщин и детей, во Вьетнаме, Корее и Шотландии. Все три куплета бомба падает и представляет — бесстрастно и равнодушно, — какие она принесет разрушения. Разрушения начитаны папой в режиме «голоса робота».

«Ваша кожа вскипит и спечется / И в сожженной земле не найдется / ни крупницы зародышей жизни и смысла», — говорит робот-бомба, под конец даже с некоторым сожалением.

В последнем куплете бомба внезапно осознает всю ошибочность своих действий, бунтует против американских военных, ее создавших, и взрывается в воздухе, осыпая пораженных, сжавшихся в страхе людей радугами.

«Раньше я разрывала людей, а теперь я взрываю умы» — так завершается последний куплет, в сопровождении пронзительного остигато, записанного на синтезаторе в сорок четвертом режиме: «Восточная флейта».

Папа считает, что это лучшая его песня — раньше он пел ее нам перед сном каждый вечер, пока Люпену не начали сниться кошмары о сожженных заживо детях, вплоть до того, что он снова стал писаться прямо в постель.

Я беру два стакана с недопитым «Гиннесом» и несу их в гостиную, делая на ходу реверансы и ожидая, что Рок Перри уже пищит от восторга по поводу папиной «Бомбардировки». Но нет, Рок Перри молчит. Зато папа орет на него, перекрывая грохот музыки:

— Нет, сынок, так не пойдет! Так *не пойдет!*

— Прошу прощения, — говорит Рок. — Я не имел в виду...

— Нет, — говорит папа, медленно качая головой. — Нет. Так нельзя говорить. Просто *нельзя*.

Криси, который все это время сидел в гостиной — держал бутылку с кетчупом на случай, если Року Перри захочется томатного соуса, — шепотом вводит меня в курс дела. Как оказалось, Рок Перри сравнил папину «Бомбардировку» с «Еще одним днем в раю» Филадельфии, и папа

взбесился. Что, кстати, странно. Папе вообще-то нравится Фил Коллинз.

— Но он *не Бобби*, — рычит папа. Его губы поджаты, в уголках рта пузырится слюна. — У меня здесь *революция*. А не это мудацкое «можно без пиджака». Меня, ептыть, не парят какие-то пиджаки. У меня вообще *нет* пиджака. Мне *не нужно* твое разрешение снять пиджак.

— Прошу прощения... я не имел в виду... на самом деле мне *нравится* Фил Коллинз... — лопочет Рок с несчастным видом. Но папа уже отобрал у него тарелку со спагетти и подталкивает его к двери.

— Все, пошел на хер, пиздюк, — говорит он. — Уебывай вдаль.

Рок неуверенно топчется у двери — не понимает, шутят с ним или нет.

Но папа не шутит.

— Уебывай, я сказал. У-йо-би-вай, — говорит он почему-то с китайским акцентом. С чего бы вдруг, я не знаю.

В прихожей к Року подходит мама.

— Вы его извините, — говорит она, как всегда в таких случаях. У нее большой опыт.

Она смотрит по сторонам, ищет, чем бы утешить гостя, и берет связку бананов из ящика у входной двери. Мы всегда покупаем фрукты мелким оптом, на фермерском рынке. У папы есть поддельное удостоверение личности, подтверждающее, что держатель владеет продуктовой лавкой в деревне Трисалл. Папа, естественно, не владеет никакой лавкой в деревне Трисалл.

— Вот, возьмите. Пожалуйста.

Рок Перри тупо тарашится на нашу маму, которая протягивает ему связку бананов. С его точки зрения она стоит на переднем плане. На заднем плане, у нее за спиной, папа тщательно выкручивает все настройки стереосистемы до максимальных пределов.

— Э... одну штучку? — говорит Рок Перри, пытаясь проявить здравомыслие.

— Пожалуйста, — говорит мама и вручает ему всю связку.

Рок Перри берет бананы — все такой же растерянный и озадаченный, — выходит за дверь и идет прочь по подъездной дорожке. И тут на крыльцо выбегает папа.

— Потому что ЭТО ДЕЛО ВСЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ! — кричит он вслед Року.

Рок переходит на легкую рысь, перебегает дорогу и мчится к автобусной остановке, по-прежнему прижимая к груди связку бананов.

— ЭТО ДЕЛО ВСЕЙ МОЕЙ ЖИЗНИ! ЭТО Я САМ! — кричит папа на весь квартал. Тюлевые занавески в окнах соседних домов характерно подергиваются. Миссис Форсайт выходит на крыльцо и, как всегда, осуждающе хмурится. — ЭТО, БЛЯДЬ, МОЯ МУЗЫКА! МОЯ ДУША!

Добежав до автобусной остановки, Рок Перри медленно садится на корточки. Прячется за кустом и сидит там, пока не приходит 512-й автобус. Я знаю, потому что мы с Крисси поднялись наверх и наблюдали за ним в окно.

— Вот так впустую растрочены шесть бананов, — говорит Крисси. — Можно было бы всю неделю добавлять их в овсянку. Прекрасно. Еще несколько дней безнадежно унылых и пресных завтраков.

— МОЕ, БЛЯДЬ, СЕРДЦЕ! — кричит папа вслед удаляющемуся автобусу и бьет себя кулаком в грудь. — Ты хоть понимаешь, что здесь оставляешь? МОЕ СЕРДЦЕ!

Через полчаса после воплей — когда завершается триумфальный двенадцатиминутный финал «Бомбардировки» — папа опять отправляется в паб. После стольких душевных волнений ему надо выпить. Он идет в тот же паб, откуда выцепил Рока Перри.

— Может, надеется встретить там близнеца Рока, чтобы обругать и его тоже, — язвит Крисси.

Папа вернулся домой около часа ночи. Мы всегда знаем, когда он приходит домой из паба. Вот и сегодня он впился в сирень у подъездной дорожки. Полетело сцепление. Сорвалось с характерным скрежетом. Мы знаем, как вылетает сцепление в фургоне «Фольксваген». Мы это слышали неоднократно.